

Петренко А. В.

**Проявления черт «Нового Средневековья»
в культуре постмодерна**

Введение в оборот термина, насколько сейчас известно, связано с именем немецкого философа и поэта-романтика Фридриха фон Гарденберга (Новалиса), критиковавшего гипертрофированно рациональное и технократическое Просвещение и пророчествовавшего о наступлении новой религиозной (христиан-

ской) эпохи — Нового Средневековья (в речи «Христианство, или Европа», 1799 г.). Новалис предельно точно обозначил проблему на рубеже двух веков, в момент, когда доживала свои последние годы старая Германия мелких феодальных княжеств и городов, упраздненных «медиацией» при Наполеоне и уже не восстановленных Венским конгрессом. Новалис выступил со своим панегириком европейскому культурному единству католического средневековья, со своей горькой инвективой националистическим силам эпохи Реформации, уничтожившим это единство, со своим пророчеством о будущем воссоединении Европы на другой основе — тоже христианской, но уже не буквально повторяющей средневековые формы [3].

Выступление Новалиса несколько опередило свое время в Германии, хотя в целом отвечало потребностям эпохи и прозвучало в нужный момент, подтолкнув тенденции к переосмыслению судеб Европы.

Уже в XVII веке возникают немецкие патриотические общества, борющиеся за единую национальную культуру и очищение языка от галлицизмов. В XVIII веке, однако, Просвещение приносит в Германию идеи крайнего космополитизма и галломании, сочетавшиеся с пренебрежением к национальным традициям (например, у Канта, Лессинга, Шиллера). В противовес им рождается немецкая патриотическая мысль, отстаивавшая неприкосновенность местных исторических традиций.

Спустя два столетия трактат «Христианство, или Европа», в котором впервые была ясно поставлена дилемма выбора между традиционным христианским и современным национальным, вновь обретает актуальность. Недаром апологет либерально-капитализма и глобализма Юрген Хабермас сказал, что для него «Новалис страшнее Гитлера» (цит. по [3]). Это и вправду так, ибо лишь первый, а отнюдь не второй олицетворяет собою подлинную альтернативу тому негативному сценарию, по которому чьими-то умелыми руками был направлен путь «хабермасовской» Европы, гнилые плоды которого мы вкушаем сегодня.

С конца XX и все годы нынешнего, XXI века проблематика Нового Средневековья находится под пристальным внима-

нием научной общественности, начиная с Умберто Эко, который одним из первых прозорливо осознал, что «Средние века уже начались». Время нисколько не умалило значимость этого знаменитого эссе 1994 года. Наоборот, многое из того, образно говоря, «средневекового», что бегло подметил тогда Эко, обрело доказательную четкость в условиях стремительно нарастающей глобализации и становления, поистине, всемирных трансэкономической, геополитической, транскультурной систем. Глобальные вызовы, обращенные современному миру постмодерна, порождают в нем черты, созвучные классическому Средневековию.

Обнаруживая в обществе постмодерна условно средневековые черты, У. Эко, прежде всего, отмечает схожесть той социально-культурной ситуации, которая сложилась в конце Римской истории и присуща также нашему времени: разваливается «огромная мировая империя, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии» [8, с. 259]; империя рушится в силу внутренних причин (чрезмерное усложнение собственной структуры), а также под натиском наседающих «варваров», которые «необязательно необразованны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира» [8, с. 259], точечными ударами ослабляя политического гиганта на периферии и внедряясь в его социальную и культурную материю. Параллели с современностью, по Эко, очевидны: «Что сегодня мы живем в эпоху кризиса Великой Американской империи, стало уже общим местом в историографии нашего времени» [8, с. 261].

Крушение государственности Штатов — это частный случай. В мире происходит не только крушение государственных институтов США, но и государства вообще. Это процесс глобальный. Впервые о процессе крушения государств (государственных институтов) стал говорить, пожалуй, Генри Киссинджер. В своей программной работе «Мировой порядок» Г. Киссинджер рассказывает читателю, что идея Ришелье о центральной роли государства в политике была зафиксирована в Вестфальском

мире, который положил конец Тридцатилетней войне. С тех пор государство являлось главным и внешне единственным *актором* мировой политики. В применении к сегодняшним реалиям Киссинджер подводит нас к тому, что постулаты Вестфальского мира желательно пересмотреть и модернизировать [2, с. 8–9]. Ряд других западных идеологов сегодня уже напрямую говорят если не о смерти, то о неуклонном свертывании государственных институтов по всему миру, передаче их функций в частные руки.

Итак, первый признак наступления Средних веков — это гибель Империи. И, более расширенно, — смерть единственной глобальной экономической системы — смерть капитализма.

Да, фасад Империи еще цел — государства выступают внешне независимыми вершителями своих судеб, но внутренние процессы разрушения Империи — разрушения государственных институтов уже необратимы. На смену государствам приходят новые феодалы — глобальные корпорации, которые день за днем последовательно отбирают у государства его функции.

Вторым важным признаком классических Средних веков было, как упоминалось выше, нашествие варваров, разрушивших достижения Римской империи и сформировавших на ее обломках средневекового человека. Варвары Нового Средневековья представлены двумя генетически независимыми группами.

Первая — это иммигранты с юга, это варвары, ворвавшиеся в Империю — в Европу и попирающие основы ее бытия. Арабы-иммигранты живут по собственным правилам, отвергая европейские законы, европейские идеалы, мораль и т. д. Своими действиями они разрушают систему ценностей и мир европейского обывателя. Процесс этот, как показывают косвенные факты, рукотворный. В США в силу их удаленности нет таких деструктивных процессов арабизации, как в Европе, но и там есть свои иммигранты — мексиканцы, китайцы, которые так же, как и арабы в Европе, живут по своим законам.

Вторая категория варваров и, в большей степени новых людей Средневековья — это так называемое поколение протеста, поколение, порожденное идеями постмодернистов — хиппи, неформалы, оккультисты и прочие социальные группы, пре-

небрегающие идеями позитивизма, на которых был воспитан старый добрый Римлянин — человек вчерашнего дня.

Обе эти категории варваров, превращающиеся в средневекового человека, введены конструкторами Нового Средневековья искусственно: первые — потоки беженцев — в результате военных действий и сознательной политики невмешательства; вторые — поколение протеста — плод экспериментов социальных инженеров Запада.

Здесь мы подошли к важной отличительной черте Нового Средневековья, которой никогда прежде не было в истории человечества: Новое Средневековье конструируется не по объективной воле исторического процесса. Конец истории наступил. Под концом истории мы подразумеваем здесь не конец капиталистической системы (хотя и это тоже имеется), мы говорим о том, что элита осознала то, что исторические процессы можно конструировать глобально. Осознав это, мировые корпорации — реальные акторы сегодняшнего исторического процесса — пытаются направить ход человеческого развития в то русло, которое им видится наиболее оптимальным для них. Теперь история — это осознанный и целенаправленный артефакт. Элита пытается сама активно творить историю, исходя из своих замыслов, пытается оседлать исторический процесс, руководить им и направлять в нужное ей русло.

Итак, если во времена наступления классических Средних веков смерть римлянина и приход варвара были объективными процессами, то теперь это искусственный, управляемый процесс. И конструируется этот новый средневековый человек вполне осознанно.

Дополнительно можно вспомнить о таких чертах Средневековья, как массовое сокращение населения и технологический упадок. Средневековье уже наступило, но оно еще не проявило себя в полной степени. Идеи сокращения населения и остановки технического прогресса уже витают в воздухе. Пока идет идейная подготовка общества к этому.

Научный прогресс тормозится, во-первых, целенаправленным уничтожением образования, а во-вторых, не давая развития так называемым «закрывающим технологиям».

Говоря о культуре, У.Эко отмечает такие признаки неосредневекового взгляда на мир, как акцентированно апокалипсическое мировоззрение, порожденное неуверенностью перед завтрашним днем, изобилующее предрассудками, которые играют роль символических опор в рушащемся социальном пространстве; гипертрофированная цитатность и ссыла на авторитет. В результате вся совокупность культурных высказываний выглядит огромным монологом без различий, с одними и теми же цитатами, стереотипными формулировками, схожей лексикой.

Дезинтеграция, обособленность, гетто — таковы условия жизни и черты человека Нового Средневековья; человек не может и не должен жить в безопасности. Помимо массовых «страхов»

его преследуют страхи маргинальные: гипертрофированная вера в заговоры: масоны, иллюминаты, бильдербергеры, рептилоиды, инопланетяне и т. д. «Неуверенность — ключевое слово Средних веков, — говорит нам Умберто Эко, — и это именно так. Неуверенность и эсхатологизм прививаются с экранов телевизоров профессиональными пропагандистами. Постоянные угрозы ядерной войны, экологической катастрофы, краха экономики и рынка, распространение смертельного вируса и прочие мифологемы каждодневно вбиваются в голову обывателя. Конструкторы Нового Средневековья и тут все делают по кальке исторических Средних веков. В сложившихся условиях грабежи и драки „варваров“ Европы успешно способствуют распространению среди населения чувства незащищенности. Мировое террористическое движение, которое, кстати, активно поддерживается и пропагандируется средствами массовой информации, также вселяет всему человечеству чувство страха и неуверенности: человек нигде не может ощутить себя в безопасности. Дополнительно — претворяется в жизнь теория управляемого хаоса, благодаря которой создается ощущение перманентной войны».

Следует согласиться с итальянским философом и в том, что для современности характерна средневековая ориентация на зрелищность, с тем лишь различием, что сегодня место «каменной книги» — средневекового собора с его фресками и витражами — занял Голливуд. В обеих ситуациях, классическо-

го Средневековья и постмодернистского неосредневековья, происходит иерархизация знания (и тем самым стратификация общества на основе доступа к знанию). С одной стороны оказывается культурная элита (в пространстве которой находится место и диспутам, и полилогу), ее знания объявляются сакральными, так как доступ к этим знаниям обеспечивает статусную квалификацию «знающих». С другой стороны — шаблонно мыслящие массы, готовые и привыкшие употреблять дайджесты знаний. Добавим, что особенностью «нашего» неосредневековья является то, что знания не замалчиваются, не скрываются в неких монастырских библиотеках, а находятся в свободном доступе в информационном пространстве. Способность сознания индивида к обработке информации, скорость и глубина обработки информации уже стали сегодня стратифицирующими критериями, рассекающими иллюзорно однородное информационное пространство постмодерна на тех, кто способен обрабатывать информацию, и тех, кто довольствуется тем, что предоставляется информационными поисковыми системами. Большинство пользователей Интернета — именно пользователи, а не обработчики информации. У. Эко маркирует такую культуру как *bricolage* [8, с. 265], предполагающий «неразличение эстетического и механического предметов». Уточним, что если в классическом Средневековье механическое подавалось как эстетическое, то сегодня, напротив, эстетическое представляется как механическое. Наряду с этим исследователи отмечают культивирование схоластических установок на непрременную завершенность знания, что приводит к инструментализации знания.

Размышления и колоритные зарисовки новой эпохи как неосредневековья, представленные философом и историком У. Эко, оказываются близки исследованиям современных социологов. У. Эко, У. Бек, З. Бауман рисуют фактически один и тот же образ наступающего мира — диверсифицированного, жестко стратифицированного, иерархического, ментально нестабильного и немобильного, с шаблонным мистифицированным и симулятивным мировоззрением.

Значительное внимание очерчиванию образа наступающего мира отводится в серии работ А. Неклессы [4, 5], в которых автор фактически обозначает в сегодняшней социальной реальности те же черты, что З. Бауман, У. Бек или У. Эко: новую геоэкономическую стратификацию мирового социального пространства; «восстание элит», под которыми понимаются «комплексные энергичные сообщества», космополитичные по духу, приватизировавшие информационные и социальные технологии как средства деконструкции мира; состояние «культурной растерянности эпохи» [4] через усиление социальной сингулярности; отсюда «новый традиционализм» и фундаментализм, схоластичность, конъюнктурность и коллажность мировосприятия, десекуляризация общества в целом; приоритет корпоративных ценностей над личностными; «эпидемия мемов» и мифов; глокализация как причудливое сочетание глобализации и социальной фрагментации; реколонизация очагов западной культуры. В результате всех этих явлений окончательно разрушается мир модернити и актуализируется новый мир «массовой индивидуации», «перманентной транзитности», — одновременно трансграничный и партикулярный мир постмодерна [2].

Вот лишь некоторые черты наступающего Нового Средневековья. Здесь мы не рассматривали множества других проявлений Неосредневековья — тайная власть, оккультизм и возрождение магии, зрелищность, клиповое мышление, крах позитивизма и других смыслов Империи, социальная алхимия; не уделено внимание Китаю, медиевализму и пр.

Подведем итоги. Популяризация термина «Новое Средневековье» в качестве обозначения современного общества постмодерна вызвана проявлением и активизацией социальных и ментальных черт, поразительно напоминающих общество и ментальность средних веков. В современном обществе выявляются как созвучные классическому Средневековью черты, так и специфические «неосредневековые». Введение в оборот самого термина «средние века» предполагает переходный характер данного периода, или, по крайней мере, бытующее преобладающее мнение о временности потрясений, но и об их

неизбежности. Грядущая «эпоха перемен» — время культурной революции, призванной окончательно изжить принципы модерна (вестернизацию, прагматизм, либерализм, свободный рынок, динамичность, прогрессивность, рационализм, акцент на личностное развитие), и на его обломках создать «новый старый мир». Это мир — многополюсный, идеатический, авторитарный, с условно «цеховой» структурой ограниченного рынка, подчеркнуто регрессивный и мифологемный, с акцентом на социальную идентичность, а не личность. В условиях глобализации именно такой вид социального устройства, зародившись в конце модернити в Западной Европе, рано или поздно станет преобладающим, примерно так же, как общество модерна в свое время, с некоторыми оговорками, поглотило все человечество. Потому что «многоаспектная глобализация не оставляет никаких шансов какой бы то ни было стране или народу безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями»: в глобальном мире всякая трансформация неизбежно глобальна [7, с. 88]. Предпосылкой конституирования неосредневекового проекта в современности стало предельное освоение мирового рынка и, в условиях глобализации, втягивание в специфическую постмодерную реальность всего мирового сообщества.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунд Бауман [Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. — М. : Логос, 2005. — 390 с.
2. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10342021
3. Медоваров М. Германия или Европа / М. Медоваров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://politconservatism.ru/articles/germaniya-ili-evropa>
4. Неклесса А. Трансформация будущего / А. Неклесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformaciya-buduschego.html
5. Неклесса А. Реконфигурация мира / А. Неклесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681>

6. Новалис (Фридрих фон Гарденберг). Христианство, или Европа / Новалис [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cultoboz.ru/-lr/58--6>
7. Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций / А. Н. Чумаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129863/>
8. Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. — 1994. — № 4. — С. 258–267.
9. Beck U. What Is Globalization? / Ulrich Beck. — Cambridge : Polity Press, 1999. — 365 p.

